

Приморского бульвара в Одессе существовало поселение и некрополь, занимающие вполне определенное место в ряду однотипных памятников античного времени побережья Северо-Западного Причерноморья между устьями Южно-Бугского и Днестровского лиманов.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ
В РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ
(к IOSPE, I², № 25)

Хранящийся в Одесском музее (инв. № 50 740) ольвийский декрет в честь Каллиника, сына Эвксена, высеченный на мраморном блоке, служившем некогда подножием статуи этого гражданина припонтийской Ольвии, найден более 125 лет назад (в 1848 г.), однако содержание указанного документа все еще во многом загадочно. Это объясняется прежде всего поврежденностью надписи, из которой видно лишь, что ольвиополиты наградили своего соотечественника тысячью золотых и статуей, посвященной от имени народа Зевсу Сотеру. Но каков был характер заслуг Каллиника, удостоенного столь высоких отличий? Судить об этом нелегко, так как, исходя из размеров камня, над строкой, формально считающейся в настоящее время первой, находился первоначально довольно значительный отрывок текста (8 или даже 9 ныне полностью утраченных строк), в котором и содержалось, помимо обычных вступительных предложений, обоснование присужденных Каллинику наград. Академик Ф. Б. Грефе, впервые опубликовавший надпись в книге своего ученика А. С. Уварова, нашедшего этот памятник в кладке ольвийской оборонительной стены, пытался установить содержание заключительных фраз мотивировочной части¹, но его дополнения к сохранившемуся тексту основывались, как показал П. В. Беккер, на произвольном изменении некоторых вполне уцелевших букв и не могут приниматься в расчет². Тем не менее и предложенная Беккером реконструкция четырех начальных строк документа (по его мнению, заслуги Каллиника выражались в том, что он, «прежде чем алтари и статуи, стоящие в храме Зевса, искажались, их вынес и святилище спас от уничтожения») не вполне удовлетворила академика В. В. Латышева, который не включил восстановленные Беккером строки в текст надписи, ограничившись воспроизведением всего этого отрывка в лемме как в первом, так и во втором издании первого тома IOSPE. Однако в другом месте В. В. Латышев, оговорившись, что «определение заслуг Каллиника представляется невозможным», повторил в наиболее существенных чертах догадки своего предшественника: из сохранившихся обрывков слов видно, пишет Латышев, что Каллиник «между прочим отнял у кого-то какие-то статуи, которым причинились повреждения, и воспрепятствовал порче какого-то здания или предмета»³. К сожалению, позднейшие исследователи исторических

¹ А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 1. СПб., 1851, с. 60—61. По мнению Грефе, Каллиник, «возобновляя все, также велел выкрасить статуи и храмы, которые неприятель при тогдашнем своем пребывании повредил, и что он велел ломать камни на свой счет».

² П. В. Беккер. О заслугах Каллиника по надписи ольвийской. — ЗООИД, т. VI. Одесса, 1860, с. 131—133.

³ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 246, прим. 40.

судеб Ольвии не проявили к занимающему нас документу никакого интереса и не внесли ничего нового в понимание его смысла.

Обращаясь к реконструкции текста Беккером, отметим прежде всего, что один из ее элементов — упоминание об алтарях — был по существу отвергнут уже Латышевым: в соответствующем месте на поверхности камня (стк. 2) действительно нет следов от предложенного Беккером чтения ΟΙ ΒΩΜΟΙ, так как перед конечной *иотой* этого слова отчетливо видна (и воспроизведена на выполненном по эстампажу рисунке фронтальной стороны памятника в IOSPE) нижняя наклонная черта *сигмы*, так что в конце второй лакуны в упомянутой строке читалось... ΣΙ, а не ...ΟΙ. Но находилось ли в той же строке указание на статуи? Вслед за буквами ΣΙ на камне читается ΚΑΙΑΝΔΡΙΑ и далее сохранился вертикальный штрих, который может быть не только левой гостой буквы *ню* (при чтении kai andriantes), но и *иотой*, что открывает возможность усматривать в уцелевших остатках текста упоминание о «мужественных деяниях» или «доблестных подвигах» (Nom. plur. в начертании andriai вместо andreiai) чествуемого лица. С другой стороны, если согласиться с тем, что в документе шла речь о статуях, чего полностью исключить нельзя, то эти последние не обязательно должны рассматриваться как храмовые кумиры богов, как это признавали Грефе и Беккер. Действительно, такие священные изображения обычно обозначались специальными терминами ta hede (НО, № 69) или ta agalmata⁴, тогда как hoi andriantes — просто «изваяния», «статуи» или «фигуры», представляющие чаще всего смертных. Именно в таком смысле употребляли это слово и ольвиополиты, о чем свидетельствуют как заключительные строки рассматриваемого декрета, так и несколько более поздний декрет в честь Никерата, сына Папия, который был посмертно награжден конной статуей — andrianta ephippon (IOSPE, I², № 34, стк. 26 и 31). Кроме того, интерпретация сохранившихся слов декрета в честь Каллиника eblaptonto и ten koron (стк. 3) учеными прошлого века также не представляется единственно возможной. В первом видели указание на действие, нашедшее выражение в «искажении» алтарей и статуй (Беккер) либо в «повреждении» только статуй (Латышев). Однако глагол blapto означает прежде всего «задерживать», «препятствовать», «мешать»; вполне вероятно, что в поврежденном месте надписи говорилось о том, что Каллиник отнял (на камне читается arheigeken) у неприятеля (?) возможность препятствовать каким-то своим действиям. Наконец, he koron вряд ли следует передавать однозначно словами «уничтожение» (Беккер) или «порча» (Латышев). Основное значение слова — «удар», «столкновение» (как в прямом физическом смысле, так и в переносном, например, военном значении), а затем «поражение», «разгром». Таким образом, в утраченных и поврежденных строках надписи речь могла идти о доблестных деяниях Каллиника, которые носили военный характер и привели к поражению противника.

При таком подходе к ничтожным остаткам первых строк документа легче, по нашему мнению, понять и далеко не обычный характер награждения Каллиника. Он удостоен прежде всего постановки статуи, т. е. наивысшей награды, какой располагали ольвиополиты, и к тому же статуя воздвигнута ему при жизни, тогда как во всех других подобных случаях граждане удостоивались такой почести только посмертно.

⁴ В римское время термин agalma применялся в Ольвии и по отношению к надгробным статуям (IOSPE, I², № 200).

но⁵. В то же время Каллинику определена беспримерная денежная награда: тысяча золотых составляли не менее 8,5 кг по весу металла, тогда как в единственном аналогичном случае, относящемся к догетскому времени, чествуемый ольвиополит был награжден 30 золотыми или венком весом в 30 золотых (НО, № 34).

Более обычным является торжественное провозглашение о награждении Каллиника в театре во время празднества Дионисий, «чтобы и другие ревностнее старались быть отличными гражданами, хорошо зная, что каждый получит от народа честь и награду, достойную благодеяний» (стк. 5—9). Необходимо в связи с этим подчеркнуть, что в столь раннем документе эти в общем малосодержательные формулы еще не превратились в те звонкие, вычурные и пустые фразы, которыми так охотно пользовались составители позднейших ольвийских декретов⁶. Поэтому стабильные в общем указания надписи на «доблесть» или «храбрость» (*he arete*) и «добрые дела» или «благодеяния» (*he euergesia, ta euergetemata*) Каллиника следует понимать в точном и прямом смысле, тем более, что это косвенно подтверждает и высшая степень присужденных ему народом отличий. Кроме того, вряд ли случайным является то, что статуя Каллиника посвящена от имени ольвийского демоса Зевсу Сотеру (стк. 10). Так как Зевс Сотер рассматривался в греческом мире прежде всего как защитник от военных превратностей⁷, это можно рассматривать как свидетельство о том, что город находился в опасности, избежать которой удалось при непосредственном содействии Каллиника. Поэтому вполне возможно, что он имел серьезные военно-политические заслуги перед своими соотечественниками, а не просто проявил «заботливость об имуществе города», как это представлял себе Беккер⁸.

Прежде чем произвести попытку определить ближе те обстоятельства, в которых наш герой зарекомендовал себя перед согражданами, необходимо остановиться на дате памятника. В. В. Латышев с полным основанием относит его к IV в. до н. э.⁹, но, располагая в настоящее время значительным количеством ольвийских эпиграфических документов указанного времени¹⁰, можно сузить эту слишком суммарную датировку. Действительно, декрет в честь Каллиника, достоверно воспроизведенный в IOSPE, несомненно относится к более позднему времени, чем проксенические декреты первой половины этого столетия (НО, № 3-4, табл. III—IV) или его середины (НО, № 5, табл. V). В то же время письмо его строже и связаннее, чем шрифт ольвийских надписей самого конца того же века (например, НО, № 14, табл. VIII) или начала следующего (№ 15, 71, табл. IX, XXXVI). Наиболее близкие аналогии для рассматриваемого документа дают надписи, относимые ко второй половине IV в. до н. э. (№ 6, 8, табл. VI—VII).

⁵ Посмертно награждены упоминавшийся выше Никерат (IOSPE, I², № 34) и неизвестный по имени ольвиополит, изгнавший пиратов с о. Левки (№ 325). О времени и обстоятельствах награждения другого неизвестного, от декрета в честь которого сохранился небольшой обломок (№ 67), а также Пантакла, сына Клеомброта, и Геврсибия, сына Деметрия, о награждении которых сообщают лишь краткие посвячительные надписи на постаментах (№ 187—188), сведений нет.

⁶ В. В. Латышев. Исследования об истории..., с. 180—182, 248—250.

⁷ А. И. Болтунова. О культе Зевса Сотера на Боспоре. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 31; Ет. Popescu. Zeus Soter la Callatis. — SCIV, t. 15. Bucuresti, 1964, № 4, с. 546.

⁸ П. В. Беккер. О заслугах Каллиника..., с. 132.

⁹ В. В. Латышев. Исследования об истории..., с. 242.

¹⁰ Т. Н. Книпович. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. — НЭ, т. VI. М., 1966, с. 5—6, 19—20, табл. IX, 2.

Такая датировка надписи в честь Каллиника позволяет предположить, что упоминавшиеся в ней события военного характера, втянувшие в свою сферу Ольвию и давшие одному из ее граждан возможность отличиться в глазах своих соотечественников, находились в связи с упоминаемой Макробием осадой этого города македонским стратегом Зопирионом, известным и более ранним латинским авторам в качестве наместника Александра на Понте (*praefectus Ponti* — Юстин) или во Фракии (*Thraciae praepositus* — Курций Руф) и погибшим с тридцатитысячным войском в борьбе против местных племен (Юстин называет в этой связи скифов, а Курций Руф — гетов; осаду Ольвии знает только Макробий, отмечая, что она осталась безуспешной)¹¹. Эту экспедицию обычно относят к 331/30 или к 326/25 г. до н. э., т. е. в обоих случаях ко времени, весьма близкому к эпиграфической дате декрета в честь Каллиника, и нет ничего невероятного в том, что его заслуги связаны с борьбой ольвиополитов против Зопириона, поход которого угрожал их независимости. Хотя высказывавшиеся прежде догадки о том, что Ольвия сильно пострадала во время осады¹², и не получили в дальнейшем археологического подтверждения¹³, не подлежат сомнению, что для города, насчитывавшего в это время менее десяти тысяч населения, победа над тридцатитысячным войском Зопириона была куплена дорогой ценой и активные участники этой борьбы заслужили благодарность сограждан.

Заметим в заключение, что «золотые», которыми так щедро был награжден Каллиник, были скорее известными среди ольвийских монетных находок статерами македонских царей, чем великолепными по исполнению, но выпущенными в небольшом количестве ольвийскими статерами¹⁴. Чеканка этих редчайших золотых монет Ольвии была составной частью реформы денежного обращения, проведенной ольвиополитами вскоре после поражения Зопириона, а поскольку в античном мире эмиссия золота рассматривалась как один из существенных признаков государственного суверенитета, можно полагать, что город, устоявший перед натиском одного из полководцев Александра, стремился таким способом подтвердить свою независимость¹⁵.

П. М. СЕКЕРСКИЙ

ЗАСТОЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЗ НИКОНИЯ

Издаваемая надпись представляет собой тщательно выполненное граффито на обломке венчика чернолакового аттического скифоса (см. рисунок). У надписи в настоящем ее состоянии недостает начала и конца. Сохранившийся текст читается: [Σ]ΕΚΠΙΝΩΣΤΑΧΟ.

¹¹ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 41—46; Сучевяну (A. I. Suceveanu). O ipoteza despre Zopyrion. — SCIV, t. 17. Bucuresti, 1966, № 4, с. 635—644) различает два похода Зопириона — против Ольвии (из которого он вернулся) и против местных племен (в котором он погиб); эта гипотеза критически рассмотрена и отвергнута Илиеску (V. Iliescu. Campania strategului Zopyrion la Duparea de jos. — Pontica, t. IV. Constanta, 1971, с. 57—72).

¹² Например, Е. И. Леви. Ольвийская агора. — МИА, № 50. М., 1956, с. 112.

¹³ А. Н. Карасев. Монументальные памятники ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 39.

¹⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16. М.—Л., 1951, с. 129—130.

¹⁵ П. И. Карышковский. З історії Ольвії в IV ст. до н. е. — Праці Одеського університету, серія історичних наук, т. 148, вип. 5. Одеса, 1956, с. 170—174.